

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники

Специальный выпуск IV

СМОЛЕНСКИЕ ВОЙНЫ XV-XVII ВВ.

ЧАСТЬ II

Санкт-Петербург

2017

ББК 63.3(0)5 УДК 94

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск. IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. II. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_4>

© www.milhist.info

© **Меньшиков Д.Н.**

MILHIST

INFO

**Меньшиков Д.Н. По ту сторону стены
(Что знали о происходящем в осажденном Смоленске К. Радзивилл и
М.Б. Шеин в 1633 г.)**

Статья затрагивает тему т.н. "тумана войны" (термин К. Клаузевица) применительно к действиям русской и польской армий в районе Смоленска во время осады его М.Б. Шеиным в 1633 г., оценивая действия через призму тех сведений, которыми располагало командование обеих армий.

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2017/05/25/menshikov>

Ссылка для печатных изданий:

Меньшиков Д.Н. По ту сторону стены (Что знали о происходящем в осажденном Смоленске К. Радзивилл и М.Б. Шеин в 1633 г.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. – 2017. – Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. II. – С. 270-288 <<http://www.milhist.info/2017/05/25/menshikov>> (25.05.2017).

www.milhist.info

Д.Н. Меньшиков

ПО ТУ СТОРОНУ
СТЕНЫ

ЧТО ЗНАЛИ О ПРОИСХОДЯЩЕМ

В ОСАЖДЕННОМ СМОЛЕНСКЕ

К. РАДЗИВИЛЛ И М.Б. ШЕИН

в 1633 г.

В основе планов и действий любого военачальника лежат имеющиеся у него сведения о местоположении, численности и состоянии войск противника, а также о его возможных намерениях. Однако командующий зачастую пребывает в тумане неизвестности, когда полученные им данные недостаточны, постоянно изменяются, противоречат друг другу или вообще оказываются недостоверными. В этих условиях он вынужден принимать решения, основываясь на предположительных оценках, при этом руководствуясь опытом, интуицией и здравым смыслом. Эти решения определяли дальнейший ход событий, итог которых зависел не только от того, были ли они верными, но и от целого ряда иных обстоятельств, начиная от ответного плана противодействия противника и заканчивая банальной случайностью. Часто победа и поражение отделял лишь один шаг.

Для позднейших исследователей «туман неизвестности» в значительной степени уже развеивается, так как в их распоряжении оказываются материалы из источников от обеих сторон. Часто это порождает ситуацию, при которой оценка действий военачальников и принимаемых ими решений складывается на основе всей полноты информации, а не только той, что на тот момент была односторонне доступной каждому из них. При этом те решения, которые в свете сведений, имевшихся у полководца, казались вполне логичными и правильными, но приведшие в результате к неудаче по причине несоответствия исходных данных действительной ситуации, объявляются ошибочными или даже глупыми. Одновременно неочевидные и, казалось бы, сомнительные решения, имевшие итогом победу, называются единственно верными или даже гениальными.

Несомненно, умение тщательно анализировать обстановку и принимать решения согласно действительному положению вещей показывает качество командования вообще и полководческие навыки военачальника в частности. Однако адекватная оценка ситуации невозможна без наличия сведений о противнике. Особенно значимыми они оказывались в случаях, когда боевые действия приобретали затяжной характер: во время осады крепости, или же когда враждебные армии вели борьбу за какой-либо стратегически важный объект, но не вступали при этом в сражение в открытую, хотя и базировались в близком расположении.

Примером своеобразного сочетания обоих случаев являются боевые действия в районе Смоленска во время его осады армией боярина М. Б. Шеина. Все началось в декабре 1632 г., а уже в самом начале февраля 1633 г. неподалеку от города, в Красном, собралась армия польного гетмана литовского Кшиштофа Радзивилла, которая старалась поддерживать осажденный гарнизон и постоянно тревожила осаждавшую армию.

Данная статья представляет попытку рассмотреть вопрос о том, какими сведениями друг о друге располагали как командование русской армии в лице, в первую очередь, М. Б. Шеина, так и польское руководство, а именно Кшиштоф Радзивилл и начальник гарнизона Смоленска Самуэль Друцкий-Соколинский, и насколько эти сведения соответствовали действительному положению вещей. Наиболее важную роль здесь играла информация о положении дел внутри города и о прогрессе его осады, так как именно к Смоленску прилагались усилия как польских, так и русских войск. Располагая ею, М. Б. Шеин мог лучше планировать ведение осады, а для К. Радзивилла получение свежих известий о положении осажденных часто выступало триггером для активных действий.

Главным источником этих вестей для последнего являлись письма из осажденного Смоленска, доставляемые лазутчиками через русские линии. На данный момент это единственный доступный нам польский источник, происходящий непосредственно изнутри города. К настоящему времени известен текст восьми таких писем. Это три письма (от 25 февраля, 26 и 28 марта)¹ и прилагаемый к ним список оставшегося в городе провианта, являющиеся частью так называемого

«дневника» Москоржевского², а также группа писем (от 21, 27 и 29 мая, 4, 12 и 20 июня), изданных М. Нагельским³.

Ими, конечно, вся переписка Самуэля Друцкого-Соколинского с Радзивиллом и помогавшим ему смоленским воеводой А. Госевским не ограничивается. Об отправке самого первого из этих писем мы знаем от перебежавшего из Смоленска 6 февраля 1633 г. гайдука Войтеха Сливенского, который в «*распросе*» сообщил, что за три дня до Крещения (3 января) Соколинский послал из города посадского человека с просьбой о подмоге⁴. О получении, по-видимому, уже другого письма нам известно со слов ротмистра Аврама Тинского, попавшего в плен под Красным в середине февраля 1633 г.: он показал, что примерно 29 января оно было доставлено в Красный двумя русскими мужиками⁵. Его содержание неизвестно, но, судя по всему, именно это письмо заставило К. Радзивилла и А. Госевского предпринять первую попытку подкрепления Смоленска 20–21 февраля⁶.

С сообщения об ее итогах Друцкий-Соколинский и начал свое письмо от 25 февраля, дошедшее до Красного 10 марта. Большую часть этого письма, впрочем, составляли сведения о действиях осаждающих войск. Касательно ситуации в крепости было упомянуто лишь то, что тревожило командование гарнизона: на тот момент к этому относились работы по устройству «*слухов*»⁷, сложности с провиантом, деньгами и особенно с боеприпасами⁸.

Весть о нехватке боеприпасов и сообщение о прибытии под крепость осадной артиллерии⁹ повлекли¹⁰ отправление в Смоленск еще одного подкрепления, которое успешно прорвалось в город 17 марта и доставило запас пороха, пуль и фитиля. Однако вскоре ситуация начала меняться. В тот же день, 17 марта, осадную артиллерию установили на позицию и открыли огонь¹¹. Результаты ее действий были переданы в письме из осажденного города от 26 марта (5 апреля)¹², из которого мы узнаем, что две башни с установленными на них срубами¹³ разрушены, еще у одной, малой башни¹⁴, между срубами сбиты зубцы, и там в стене уже есть пролом, к которому легко подняться по осыпи. Кроме того, возникли сложности с солдатами из подкрепления: в отличие от гарнизона и горожан, они отлынивали от работы по заделке брешей, зато требовали денег, которых у Друцкого-Соколинского не было¹⁵. Также он сообщал о многочисленных больных, проблемах с фитилем¹⁶

и о подготовке противника к штурму. Наконец, именно в этом письме мы впервые встречаем повторяющуюся потом вновь и вновь просьбу о скорейшей вырубке или хотя бы диверсии в тыл противника для облегчения положения осажденных¹⁷.

В следующем письме от 28 марта к вышеперечисленному добавлялось, что за прошедшие два дня в пролом стало уже можно взойти без лестниц¹⁸. Еще одно письмо попало в руки К. Радзивилла 15 апреля. В нем сообщалось, что пороха осталось всего 50 центнеров, олова — примерно столько же, фитиля — 40 связок, а провианта должно было хватить лишь до Троицы (4 мая)¹⁹. Следствием таких известий стали еще две попытки Радзивилла (19 апреля и 20–21 апреля) прорваться к городу и снабдить его порохом и людьми, однако на этот раз они окончились безуспешно.

Вообще в этот период письма из Смоленска в Красный и обратно доставлялись довольно беспрепятственно, о чем свидетельствуют, в частности, показания выходца из города пахолка Евдокима Андреева²⁰. То же самое сообщал вышедший на государево имя из Красного Степан Гольинский²¹. Некоторые письма, правда, все же попадали в руки русского командования. По крайней мере, так случилось с письмами от К. Радзивилла, А. Госевского и других лиц в Смоленск, которые были перехвачены вместе с Василием Карабовским 17 февраля на Днепре дозорами С. В. Прозоровского. Три письма, очевидно адресованные Соколинскому, были зашифрованы, однако вместе с ними было еще 18 других, перевод которых был потом отослан в Москву²². Часть из них носила личный характер, но по некоторым можно было понять, что гарнизон испытывает сложности с порохом²³, провиантом и особенно деньгами²⁴.

Однако в дальнейшем занятие и укрепление Покровской горы окопами и рогатками, повреждение моста через Днепр и усиленные дозоры привели к тому, что с мая 1633 г. связь осажденных с внешним миром оказалась крайне затруднена. Следствием этого стала череда неудачных попыток отправить письма из Смоленска в Красный в мае — июне, когда посланцы не могли даже выбраться из города. Лишь 20 июня некий Сербий Андреевич²⁵ смог-таки пройти сквозь все препятствия и 24 июня добрался до Красного сразу с пятью письмами за подписью руководства обороны. Несмотря на то, что их отправили

единой партией, они были написаны в разное время и по разному поводу и отражали ситуацию именно на момент написания. Это позволяет проследить некоторую динамику происходившего в осажденном городе на протяжении мая — июня 1633 г.

В первом письме, от 21(31) мая²⁶ Соколинский сообщал различные новости и направлял сведения о состоянии гарнизона. Он писал о том, что осаждающие ведут несколько подкопов, из которых один почти закончили, уже проделали в стене брешь и подвели подступы настолько близко, что можно было перекидываться камнями. Последнее, возможно, было сказано не только образно, так как далее Соколинский извещал о нехватке пороха, свинца и особенно фитиля²⁷. Не доставало и хлеба, так что в городе началась цинга. Хотя гарнизон и волновался по поводу отсутствия помощи, о каких-то серьезных проблемах с его моральным состоянием в письме не сообщалось. Единственными значимыми событиями, о которых Соколинский считал нужным упомянуть, были две успешные вылазки: 2 мая из Малаховских ворот и 20 мая из бреши в стене²⁸. Интересно, что мост через Днепр, по его словам, был все еще цел, несмотря на все попытки осаждавших его уничтожить.

Большую часть следующего²⁹, двойного письма³⁰ составляло описание штурма Смоленска 26 мая 1633 г. Ему и его последствиям отведено больше половины текста. Из него можно было узнать, что штурмующим удалось было закрепиться на Антифоновской башне, но затем они попали под кинжальный залп из заранее приготовленных орудий и в итоге были оттуда выбиты с тяжелыми потерями: 28 мая во время перемирия, заключенного для выдачи тел убитых, поляки насчитали около 70 трупов, включая трех капитанов³¹. Потери обороняющихся составили 28 убитых и 56 серьезно раненных, в их числе был ротмистр Генрик Рам, командовавший ротой немецкой пехоты³².

Впрочем, особых ноток радости в письме заметно не было. Соколинский снова жаловался на отсутствие денег, нехватку пороха³³, а свинца и фитиля осталось, по его словам, всего на три дня. Из этого он делал вывод, что второго штурма, ожидаемого со дня на день, измученный гарнизон выдержать не сможет, и в связи с этим требуется скорейшая выручка.

Третье из писем³⁴ было написано 4(14) июня на скорую руку сразу после успешной вылазки³⁵, когда по случаю дождливой погоды

появилась благоприятная возможность пробраться через осадные линии³⁶. Из-за этого оно оказалось короче остальных и довольно малоинформативным³⁷, однако это делает данное письмо более ценным, так как в нем Соколинский по недостатку времени должен был упомянуть только наиболее важное и значимое: критическую нехватку фитиля и ненадежность немецкой пехоты, среди которой начались громкие разговоры о том, чтобы бросить стены.

Это, впрочем, не помешало гарнизону отбить второй штурм Смоленска (10 июня), о котором, хотя и без подробностей, сообщалось в следующем письме от 12(22) июня³⁸. Тем не менее особой радости при этом не наблюдалось — почти половину этого письма составляли просьбы о скорейшей выручке. Во-первых, потери гарнизона оказались довольно велики, по словам Соколинского, погибло более 250 человек, главным образом из-за взрыва мины³⁹, а, во-вторых, среди осажденных начались волнения, ибо приближался Иванов день⁴⁰, который был крайним сроком прибытия помощи, обещанной Радзивиллом, но от которого между тем не было никаких известий⁴¹. Из прочих проблем самой серьезной было почти полное отсутствие фитиля, пороха же оставалось всего 8 бочек. Кроме того, для многих орудий закончились ядра.

Схожим по своему содержанию было последнее в этой партии письмо от 20(30) июня⁴², посвященное главным образом описанию упадка боевого духа и разногласиям в гарнизоне, вызванным тем, что обещанная помощь так и не пришла. Помимо этого Соколинский перечислял потери трех наиболее пострадавших во время последнего штурма рот⁴³, в остальном подчеркивал общую нехватку людей и отсутствие хлеба, а пороха, свинца, и особенно денег и опять же фитиля, проявляя при этом беспокойство, что многочисленные перебежчики сообщают обо всем этом противнику. Заканчивалось письмо пессимистичным указанием, что еще одного штурма осажденные не выдержат.

Это были последние известия, полученные Радзивиллом и Госевским из осажденного города. Также более уже не получалось передать какие-то письма, не говоря уже о припасах, и в Смоленск. Попытка Госевского послать в город лазутчика провалилась: отправленный 18 июля в Смоленск местный крестьянин Иван Максимов, вместо того чтобы пробраться в крепость, явился со всеми имевшимися

у него письмами прямо к М.Б. Шеину⁴⁴. Оказалась неудачной и вторая попытка, когда 30 июля Госевский попробовал пробиться через русские линии открытой силой — осажденные даже не узнали об этом бое⁴⁵. Связь между городом и польской полевой армией оказалась прервана⁴⁶. Лишь 14 августа, когда А. Госевский вместе с полковником М. Мосарским снова атаковал русские позиции, а осажденные предприняли вылазку им навстречу, получилось если не обменяться известиями, то хотя бы дать знать о себе⁴⁷. Полноценно же переслать письма в город и обратно удалось только 26 августа, уже после прибытия армии Владислава IV⁴⁸. Впрочем, это относится уже не столько к осаде, сколько к следующему этапу боев под Смоленском — деблокаде города польской армией.

Таким образом, вплоть до конца июня 1633 г. К. Радзивилл и А. Госевский достаточно регулярно получали сообщения о ситуации в осажденном городе. Как можно увидеть из их содержания, они не слишком походили на четкие и обстоятельные донесения, и содержащаяся в них информация была довольно разнородна и часто носила отрывочный характер⁴⁹. Тем не менее по совокупности сообщаемых сведений можно было составить общее представление о постепенно ухудшающемся положении гарнизона.

Во-первых, это выражалось в проблемах с запасами провианта и особенно боеприпасов: из одного письма в другое повторяются сообщения об отсутствии фитиля и нехватке свинца, а указываемые в письмах запасы пороха стабильно уменьшаются⁵⁰. Во-вторых, это можно увидеть по характеристике моральной устойчивости гарнизона и состояния его боевого духа. Если поначалу единственной упоминаемой проблемой было отсутствие жалования⁵¹, то в июньских письмах речь идет уже об угрозе мятежа и даже сдачи города⁵².

Наконец, своеобразной оценкой серьезности положения осажденных с точки зрения командования гарнизона можно считать то, насколько в том или ином письме затронут вопрос оказания помощи Смоленску со стороны армии Радзивилла. Если письмо от 25 февраля было выдержано в довольно бодром и деловом тоне⁵³, то уже в следующем тема выручки осажденных, или хотя бы облегчения их положения путем совершения диверсии на тылы осаждающих, становится одной из основных, а призывы начинают походить на заклинания и мольбы.

Особенно показательно постепенное изменение тона в майских и июньских письмах, где напоминания и просьбы о помощи, а также более приземленные рассуждения о том, как ее лучше оказать⁵⁴, занимают все больше места.

В целом же, судя по информации, которой располагало польское командование в середине лета 1633 г., Смоленск находился в критическом состоянии и, казалось, должен был вскорости пасть, тем более что попытки помочь осажденным были неудачными. Тем не менее гарнизон смог продержаться до подхода армии Владислава IV, и город все же не был взят.

Можно ли в связи с этим говорить о том, что сведения, сообщаемые в письмах Соколинского, адекватно и достоверно отражали реальную ситуацию в осажденном Смоленске или все же сгущали краски? С одной стороны, автор писем, Друцкий-Соколинский, был старшим начальником и руководителем обороны и должен был располагать максимально полной информацией о происходящем в городе, тем более что письма также подписывали его помощники, поручик Якуб Воеводский и смоленский городничий Мельхиор Гудзишевский. С другой — как справедливо заметил польский исследователь А. Харатым — целью писем было не столько точное описание происходящего в Смоленске, сколько побуждение К. Радзвилла к скорейшему прибытию на выручку, ведь если ситуация в осажденном городе была столь катастрофичной, то как Смоленск смог продержаться до подхода королевской армии⁵⁵? Некоторые моменты заставляют полагать, что доля истины в этом есть. Примером может служить то, что во всех письмах, начиная с конца февраля⁵⁶, подчеркивается критическая нехватка или даже отсутствие фитиля, однако же это не мешало обороняющимся отбить два штурма, да и само по себе постоянное упоминание этого наталкивает на мысль о преувеличении.

Кроме того, в опубликованном М. Нагельским дневнике одного из приближенных Владислава IV под 26 августа содержится пересказ известий о ситуации в осажденном городе накануне его деблокады. В нем сообщается, что гарнизон насчитывает около 3000 человек, провианта у него достаточно, хотя хлеба осталось на неделю, а пехота питается кониной. Зато подтверждаются данные о нехватке пороха, причем указывается, что об этом должен знать и неприятель,

так как заведовавший хранением пороха слуга Соколинского перебежал к Шеину⁵⁷.

Таким образом, сведения, содержащиеся в письмах С. Соколинского, хотя и более-менее отражают действительность, все же носят несколько преувеличенный характер. Однако в связи с этим встает вопрос, почему М.Б. Шеин не воспользовался трудным положением гарнизона? Для этого, в первую очередь, надо проанализировать те сведения, которыми он мог располагать и которые он мог взять за основу при принятии тех или иных решений.

Во-первых, информацию о происходящем в осажденном городе русское командование получало от пленных из состава гарнизона. Их, впрочем, было не слишком много, так как захватить их можно было лишь во время вылазок. Это до некоторой степени компенсировалось большим числом перебежчиков, как из числа солдат, так из простых жителей. Как уже упоминалось ранее, об этом особенно беспокоился С. Друцкий-Соколинский. Некоторые жители также попадали в плен, когда выходили за стены по какой-либо надобности⁵⁸.

Пленные и перебежчики допрашивались прямо на месте, а затем они вместе со своими *«расспросными речами»* отправлялись в Москву, где их также повторно допрашивали⁵⁹. Материалы этих допросов за период осады Смоленска отложились, главным образом⁶⁰, в двух столбцах Разрядного приказов № 85 Московского стола (время с начала осады по конец апреля 1633 г.) и № 26 Новгородского стола (где отражен период июля-августа 1633 г.). Всего там содержатся расспросы 15 человек. Из них, вышедший еще в декабре из Смоленска, брянский сын боярский Андрей Тютчев не сообщил никаких сведений⁶¹, а два человека (гусары роты Госевского Иван Вольский и Семен Белевин) лишь подтвердили сведения, сообщенные другими⁶². Помимо них были, конечно, и другие: так, об одном таком *«выходце»* из города, говорившем, что гарнизон хочет сдать на условиях свободного выхода, рассказал приехавший в Москву от М.Б. Шеина с отписками каширянин Иван Позняков⁶³.

Все эти расспросные речи устроены по более-менее единому шаблону. Сначала в них шел ответ на вопрос о личности допрашиваемого, затем следовали ответы на вопросы о численности и составе гарнизона, потом о ситуации с запасами провизии и боеприпасов, далее допрашиваемый рассказывал о других известиях, в частности,

о «*проходцах*» в город и из города. Следует также отметить, что допрос плененных и «*выходцев*» в Москве носил более подробный характер. Там спрашивалось также о том, кто руководит обороной города, об обстоятельствах пленения или «*выхода*», о состоянии укреплений и т.д., в то время как в «*расспросных речах*», записанных непосредственно под Смоленском, как правило, содержится лишь общая информация. Тем не менее наличие относительно однотипных ответов позволяет свести основные сведения о ситуации в осажденном городе в нижеприведенную общую таблицу:

<i>источник сведений</i>	<i>дата</i> ⁶⁴	<i>боеприпасы</i> ⁶⁵	<i>провиант</i>	<i>численность гарнизона</i>
Хриштоп Заозерский, товарищ роты Госевского	23 декабря	–	–	3000 ⁶⁶
Ричард Стивенс, поручик пешей роты Фалька	31 декабря	«не опасно»	«опасно»	2090 ⁶⁷
Войтех Сливенский, гайдук роты Генкина	6 февраля	–	«не ведает» ⁶⁸	3000 ⁶⁹
Евдоким Андреев, гайдук	4 апреля	«мало»	«скудость»	4000 ⁷⁰
Степан Тимофеев, казак роты Мадалинского	18 июля	«мало»	«мало»	6000 ⁷¹
Зигмунт Ворвинский, гусар роты Госевского	20 июля	«мало»	«мало»	6000 ⁷²
Павел Иванов, горожанин	23 июля	«мало»	нет данных ⁷³	5400 ⁷⁴
Наум Никонов, пахолик роты Госевского	1 августа	«мало»	«есть»	6000 ⁷⁵
Яков Онуфриев, крестьянин	2 августа	«мало»	«мало»	6000 ⁷⁶
Григорий Яновский, казак роты Юржича	9 августа	«мало»	«мало»	6000 ⁷⁷
Ян Валдовский, шляхтич	10 августа	«мало»	хлеба нет ⁷⁸ , соли много	4500 ⁷⁹
Степан Романовский, солдат роты Ганка ⁸⁰	19 августа	«мало»	«мало»	6000 ⁸¹
Ян Останов, гусар королевской роты	30 августа	«мало»	«мало»	5000 ⁸²

Если данные о нехватке хлеба, пороха и свинца в целом соответствуют сведениям, сообщаемым в письмах Друцкого-Соколинского, то о численности гарнизона этого сказать нельзя. Действительно, в начале осады, в январе 1633 г., гарнизон Смоленска состоял из 884 пехотинцев, 531 всадника, 32 пушкарей, 3 стражников, 279 поместных казаков и 483 человека посполитого рушения — всего 2212 человек⁸³. В дальнейшем в город прошло около 900 человек подкреплений, что довело «бумажную» силу гарнизона примерно до 3000⁸⁴. Таким образом, реальная численность осажденных, даже если не учитывать их потери, была почти вдвое меньше тех цифр, которыми располагал М. Б. Шеин и которые он отсылал в Москву.

Одним из объяснений такого расхождения может быть то, что источником информации для русского командования были обычные солдаты и простые жители, которые не могли владеть полной информацией о ситуации в крепости. Показательно, что поручик Р. Стивенс, в отличие от остальных, не только привел в своих показаниях цифры, наиболее близкие к реальной численности гарнизона, но также дал их разбивку по категориям⁸⁵. Он же довольно подробно рассказал о боеприпасах, количестве пушек и вообще о состоянии обороны.

Кроме того, есть некоторая вероятность и сознательного искажения сведений о силе гарнизона. В опубликованной К. В. Петровым челобитной князя С. В. Прозоровского, относящейся предположительно к концу апреля 1633 г., сообщается, что М. Б. Шеин пытался преуменьшить численность прорвавшихся в город подкреплений и не отпускал в Москву перебежчиков, дававших более точные цифры⁸⁶. А из опубликованной там же челобитной Б. М. Нагого мы узнаем, что М. Б. Шеин при обсуждении планов действий со сходными воеводами сильно завышал силу войск противника⁸⁷. Таким образом, сведения о численности гарнизона, отсылаемые М. Б. Шеиным в Москву, не столько отражали его реальную силу, сколько были призваны показать его чрезмерную силу и тем самым оправдать чрезмерно осторожные действия воеводы по осаде города, либо отражали его склонность завышать численность противника и действовать более осторожно, нежели это было возможно. С учетом общего образа действий М. Б. Шеина во время его похода на Смоленск⁸⁸, последнее более вероятно.

Кроме приведенных в таблице базовых сведений, пленные и «*выходцы*» сообщали также о проходцах из города и в город, о ведущихся в городе работах по устройству обороны⁸⁹, о количестве пушек и их местоположении, о том, какие ворота засыпаны, а какие действуют⁹⁰, и т.д. А вот сведения о моральном состоянии осажденных в вышеприведенных материалах расспросов практически отсутствуют. Одним из немногих исключений является Войтех Сливенский, рассказавший, что среди гарнизона идут разговоры о сдаче, и от этого осажденных удерживает лишь Соколинский, не останавливаясь и перед жесткими мерами⁹¹. В расспросах, относящихся к июлю — августу, всякие упоминания о каком-либо разброде и шатании в гарнизоне отсутствуют. Лишь указывается, что осажденные ожидают подхода деблокирующей армии⁹². Последнее достаточно хорошо объясняло упорство обороняющихся, тем более что уже в середине июля пленные и «*выходцы*» из Красного, где стояла армия Радзивилла, стали говорить о постепенном сборе крупной армии и скором подходе короля. Тем не менее мы не видим никаких попыток М. Б. Шеина ускорить процесс осады или провести еще один штурм, чтобы решить судьбу крепости до появления деблокирующей армии. Одним из факторов этого, возможно, стала основанная на получаемых из города сведениях переоценка сил и возможностей гарнизона: Шеину хорошо было известно состояние осаждающей армии, едва ли можно было назвать его отличным⁹³.

Польскому командованию осажденный Смоленск представлялся городом, окруженным сильной армией⁹⁴, с брешью в стене, под которую еще ведутся подкопы, с гарнизоном, который страдает от нехватки провизии и боеприпасов, ослаблен болезнями и в дополнение терзается внутренними раздорами. Казалось, протяни руку — и город упадет в нее, как спелое яблоко. Осознание высокой вероятности такого развития событий оказывалось дополнительным стимулом для активных действий польского командования, а то, что город продержался до подхода армии Владислава IV, воспринималось как чудо.

Между тем русский воевода видел перед собой мощную, хорошо укрепленную крепость, силу которой он хорошо знал, с серьезным гарнизоном, отбившим, несмотря на нехватку боеприпасов и провизии, два штурма, и осаждаемую ослабленной дезертирством армией, которая к тому же должна была постоянно отвлекаться на действия против

полевой армии К. Радзивилла. Неудивительно, что в этих условиях М. Б. Шеин действовал осторожно и основательно, тщательно подготавливая новый штурм и, возможно, надеясь на то, что тяготы осады все же заставят гарнизон сдаться. Однако на это требовалось время, а оно словно утекало сквозь пальцы, пока в конце августа к городу не подошла деблокирующая армия Владислава IV.

ССЫЛКИ

¹ Здесь и далее даты даются по старому стилю (юлианский календарь).

² Moskorzewski J. *Diariusz wojny moskiewskiej z lat 1633–1634* // Biblioteka Ordynacji Krasniskich.— Warszawa, 1895.— Т. 13.— С. 12–16.

³ Nagielski M. *Szyfrowane depesze Samuela Stanisława Sokolinskiego ze Smolenska z 1633 r.* // *Miscellanea Historico-Archivistica*.— Warszawa, 2000.— Т. 11.— С. 287–304.

⁴ Акты Московского государства (далее — АМГ). Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634.— СПб., 1890.— Т. 1.— № 496.— С. 459–460.

⁵ АМГ.— СПб., 1890.— Т. 1.— № 488.— С. 449–450. Точной даты пленения А. Тинского в документе нет, но он упоминает, что идет четвертая неделя, как Радзивилл пришел в Баево, где стоял неделю. Между тем из «Дневника» Москоржевского нам известно, что из Баева в Красный гетман выступил 22 января (Moskorzewski J. *Diariusz wojny moskiewskiej*...— С. 4), что позволяет примерно датировать все остальные события, упоминаемые в «расспросе».

⁶ А. Тинский рассказал про процесс подготовки этого подкрепления, который несколько сходен с описанием Москоржевского (Moskorzewski J. *Diariusz wojny moskiewskiej*...— С. 5, 9).

⁷ Старые оказались негодны из-за трещин в облицовке.

⁸ Moskorzewski J. *Diariusz wojny moskiewskiej*...— С. 12–14; также см. приложенный к этому письму список крепостного провианта.

⁹ Она прибыла 8 марта. (АМГ.— СПб., 1890.— Т. 1.— № 502.— С. 471–472).

¹⁰ Об этой связи говорится в дневнике Москоржевского (Moskorzewski J. *Diariusz wojny moskiewskiej*...— С. 5).

¹¹ АМГ.— СПб., 1890.— Т. 1.— № 508,— С. 480; то же в письме из Смоленска (Moskorzewski J. *Diariusz wojny moskiewskiej*...— С. 14).

¹² Дата получения этого письма у Москоржевского не указана, однако взятый в плен поляк Ярош Кашевский сообщил, что 29 марта к Радзивиллу в Красный принесли письмо из Смоленска с просьбой о «посылке». Видимо, речь идет именно про вышеприведенное письмо (АМГ.— СПб., 1890.— Т. 1.— № 517,— С. 493).

¹³ Грановитая и Евстафьевская башни.

¹⁴ Антифоновская башня.

¹⁵ Moskorzewski J. Diariusz wojny moskiewskiej... — S. 14.

¹⁶ Присланный Радзивиллом фитиль утонул.

¹⁷ Moskorzewski J. Diariusz wojny moskiewskiej... — S. 15.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Moskorzewski J. Diariusz wojny moskiewskiej... — S. 6; См. также об этом: Жемайтис С. Г. Источники по истории Смоленской войны (1632–1634 гг.) в собрании П. П. Дубровского // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. — Л., 1988. — С. 45.

²⁰ АМГ. — СПб., 1890. — Т. 1. — № 513. — С. 487.

²¹ Там же. — № 514. — С. 488.

²² Там же. — № 501. — С. 467–472.

²³ Так, А. Госевский передает совет жечь уголь, нужный для изготовления пороха, из разобранных домов. Там же. — С. 469.

²⁴ Этому, в частности, посвящены три письма того же Госевского, где он просит адресатов денег в долг, обещая все потом возместить. Там же. — С. 468–469.

²⁵ Nagielski M. Szyfrowane depesze... — S. 293.

²⁶ Там же. — S. 294–296.

²⁷ Надо сказать, что у осаждающих также были проблемы с фитилем, что объяснялось его чрезмерным расходом, вызванным усиленной караульной службой — так, за период с 22 июля по 8 августа фитиля было израсходовано 360 пудов. В итоге М. Б. Шеин вынужден был просить о присылке нового (Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 41–42, 135, 222).

²⁸ В приписке к письму, сделанной уже после его окончания, указано, что следствием последней вылазки стал усиленный обстрел города.

²⁹ Nagielski M. Szyfrowane depesze... — S. 296–299.

³⁰ Первая часть письма была написана 27 мая, по горячим следам, сразу после штурма, однако пронести его через осадные линии не получилось. Вторая попытка переслать уже дополненное письмо была предпринята 29 мая, однако выбраться из Смоленска не удалось и на этот раз.

³¹ Согласно росписи потерь при штурмах, полученной 5 июля в Москве, 26 мая общие потери штурмующих составили 141 убитого

и 550 раненых, в том числе одного капитана из солдатского полка фон Дама и двух капитанов из солдатского полка Унзена (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 30. Л. 3–37). Таким образом, сведения сообщаемые Соколинским довольно точные.

³² Об этих событиях также упоминается в одном из польских дневников, по-видимому, принадлежавшем секретарю гнезненского архиепископа. См. Отрывки дневника о войне царя Михаила Федоровича с польским королем Владиславом 1632–1634 // Русская историческая библиотека. — СПб., 1872. — Т. 1. — Стб. 726.

³³ В письме указывалось, что пороха осталось всего 30 центнеров.

³⁴ Nagielski M. Szyfrowane depesze... — S. 299–300.

³⁵ Судя по записям в «Расходной книге приказа М. Б. Шеина» о выдаче денег на лечение ран, вылазка была сделана на Покровскую гору, т.е. по мосту через Днепр. (РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 88. Л. 195–196).

³⁶ Впрочем, пройти лазутчику все равно не удалось.

³⁷ Половину письма составляет описание вылазки, большую часть оставшегося текста — просьбы о скорейшей вырубке.

³⁸ Nagielski M. Szyfrowane depesze... — S. 300–302.

³⁹ Хотя при взрыве мины пострадали и войска, изготовившиеся к атаке, на этот раз потери штурмующих оказались меньше — всего 66 убитых и 167 раненых (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 30. Л. 38–55).

⁴⁰ 14(24) июня.

⁴¹ В приписке к письму от 29 мая Соколинский упоминал, что к Днепровскому мосту приплыло тело замученного человека, о котором осажденные решили, что это был лазутчик от Радзивилла.

⁴² Nagielski M. Szyfrowane depesze... — S. 302–304.

⁴³ Всего 180 убитых, раненых и больных.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 14–15.

⁴⁵ Об этом сообщил перебежавший из Смоленска пахолик гусарской роты А. Госевского Наум Никонов (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 93).

⁴⁶ Все перебежчики из города в июле-августе говорили, что «из города и в город проходцев не бывало давно». См.: Там же. Л. 24, 84, 93, 166, 180, 234.

⁴⁷ Там же. Л. 186, 212–214; *Diariusz kampanii smoleńskiej Władysława IV 1633–1634* / oprac. Mirosław Nagielski. — Warszawa, 2006. — S. 203, 207–209; Целевич О.А. Участь козаків в Смоленській війні 1633–1634 рр. // *Записки наукового товариства імени Шевченка*. — Львів, 1899. — Т. 28. — Кн. 2. — С. 31.

⁴⁸ Moskorzewski J. *Diariusz wojny moskiewskiej...* — S. 28; *Diariusz kampanii smoleńskiej...* — S. 103–104; Целевич О.А. Участь козаків в Смоленській війні 1633–1634 рр... — С. 34.

⁴⁹ Таковы, например, сведения о численности гарнизона и его потерях, или о его повседневной деятельности.

⁵⁰ Если 15 апреля у осажденных оставалось 50 центнеров пороха, то 29 мая — только 30, а 12 июня — лишь 8 бочек. При этом бочки, по словам довольно хорошо осведомленного о делах обороны Р. Стивенса, попавшего в плен еще в январе, были небольшими (АМГ.— СПб., 1890.— Т. 1.— № 477.— С. 440).

⁵¹ Moskorzewski J. *Diariusz wojny moskiewskiej...* — S. 14.

⁵² Nagielski M. *Szyfrowane depesze...* — S. 294, 300, 303.

⁵³ В этом письме многократно повторяемые просьбы к Радзивиллу о скорейшей помощи осажденным пока еще отсутствуют.

⁵⁴ Это были как сведения о численности и расположении войск противника и о том, как у него организована дозорная служба, так и советы о наилучшем способе действий.

⁵⁵ Naratym A. *Obrona Smolenska 1632–1633 — wybrane problemy* // *Studia z dziejów stosunków Rzeczypospolitej z Państwem Moskiewskim w XVI–XVII wieku*. — Zabrze-Tarnowskie Góry, 2013. — S. 190.

⁵⁶ Moskorzewski J. *Diariusz wojny moskiewskiej...* — S. 14; Nagielski M. *Szyfrowane depesze...* — S. 294, 297, 300, 301, 303.

⁵⁷ *Diariusz kampanii smoleńskiej...* — S. 206, 208–209.

⁵⁸ Именно так, например, попал в плен житель Смоленска Павел Иванов, захваченный 23 июля донскими казаками, когда он пытался ловить рыбу на Днепре (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 83–85).

⁵⁹ Так было, например, с шляхтичем Хриштопом Заозерским, взятым в плен 23 декабря 1632 г., которого сначала допросили под Смоленском (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 85. Л. 287–289), а затем в Москве (АМГ.— СПб., 1890.— Т. 1.— № 472.— С. 437).

⁶⁰ Некоторые расспросы пленных и перебежчиков из города за август-сентябрь 1633 г. можно найти в: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 45.

⁶¹ АМГ.— СПб., 1890.— Т. 1.— № 487.— С. 448–449.

⁶² Хриштопа Заозерского и Зигмунта Ворвинского соответственно.

⁶³ АМГ.— СПб., 1890.— № 506.— С. 479.

⁶⁴ Дата пленения или «выхода».

⁶⁵ Запас пороха и свинца.

⁶⁶ АМГ.— СПб., 1890.— Т. 1.— № 472.— С. 437. Ранее при допросе, проведенном непосредственно под Смоленском, Х. Заозерский сообщал, что в городе 250 гусар, 750 казаков и 700 пехоты, не считая вооруженных жителей (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 85. Л. 287).

⁶⁷ АМГ.— СПб., 1890.— Т. 1.— № 477.— С. 439–440.

⁶⁸ Впрочем, можно предположить, что с запасами провианта было еще все в порядке, так как цена бочки ржи по словам В. Сливенского составляла 40 алтын, что было даже дешевле стоимости той же бочки в полтора рубля, названной ранее Р. Стивенсом.

⁶⁹ АМГ.— СПб., 1890.— Т. 1.— № 496.— С. 459–460.

⁷⁰ Там же.— № 513.— С. 487.

⁷¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 24.

⁷² Там же. Л. 11.

⁷³ Бочка ржи по его словам стоила 2 рубля, а соль была по 25 алтын.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 84.

⁷⁵ Там же. Л. 92.

⁷⁶ Там же. Л. 180.

⁷⁷ Там же. Л. 167.

⁷⁸ Речь идет о королевских хлебных запасах.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 166.

⁸⁰ Видимо речь идет о польской пешей роте Генкина.

⁸¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 234.

⁸² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 45. Л. 130.

⁸³ Kupisz D. Smolensk 1632–1634. — Warszawa: Bellona, 2001.— S. 90–92.

⁸⁴ Там же.— S. 120.

⁸⁵ «...Гусар 200 человек. Да шляхтичей розных поветов 100 ч., да немец и всяких русских и литовских людей с 300 человек,

гайдуков с 350 ч., да казаков смоленских помещиков и наемных 500 ч., да мещан из розных городов 400 ч., пушкарей и затинщиков 40 ч., да смолян посадских и всяких людей с 200 человек» (АМГ.— СПб., 1890.— Т. 1.— № 477.— С. 439).

⁸⁶Петров К.В. Новые источники по истории Смоленской войны 1632–1634 гг. // Очерки феодальной России.— М., 2000.— Вып. 4.— С. 128. Стоит отметить, что это почти слово в слово совпадает с одним из пунктов обвинения Шеина (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук.— СПб., 1836.— Т. 3.— С. 386).

⁸⁷Петров К.В. Новые источники...— С. 124.

⁸⁸Наиболее наглядной иллюстрацией здесь может служить собственно движение армии М.Б. Шеина к Смоленску, занявшее почти три месяца, за которые поляки успели подготовиться к обороне.

⁸⁹Главным образом речь шла о подготовке Соколинским второй линии обороны напротив выбранного М.Б. Шеиным места атаки.

⁹⁰Это определяло потенциальные направления вылазок. Единственными не засыпанными воротами были Малаховские, выходившие на южную сторону города, и Днепровские у моста (АМГ.— СПб., 1890.— Т. 1.— № 477.— С. 440.; № 496.— С. 460).

⁹¹Следует отметить, что это было еще до двух успешных прорывов в город, которые должны были поднять боевой дух осажденных (АМГ.— СПб., 1890.— Т. 1.— № 496.— С. 460).

⁹²Об этом им стало известно от перебежчиков в город в начале августа (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 85, 162, 165, 180).

⁹³О силе армии М.Б. Шеина в конце августа 1633 г. см. Меньшиков Д.Н. Боевая сила армии М.Б. Шеина в Смоленском походе 1632–1634 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История.— СПб., 2008.— Вып. 4.— Ч. 1.— С. 10–16.

⁹⁴Численность армии М.Б. Шеина поляки оценивали в 50–60 тысяч. См., например, Liske K. Przyczynki do historii wojny moskiewskiej z lat 1633–1634 // Biblioteka Ossolinskich.— Krakow, 1868.— Т. 11.— S. 21, 24; Moskorzewski J. Dziennik wojny moskiewskiej...— S. 9, 12, 59.